

нуетъ несчастное человѣчество?.. И онъ дѣлаеть попытку (можетъ быть, она и не удалась!) создать иного рода *документы*—документы, въ которыхъ уже будуть слышаться голоса не физиологии, а морали...

Такой переломъ мы замѣчаемъ въ старомъ Зола, а молодые французскіе романисты съ энтузіазмомъ заявляютъ въ своихъ признаніяхъ, что Толстой пропустилъ въ ихъ со-вѣсть такъ много свѣта и влиянье въ нее такую могучую волну любви!..

Достоевскій не разъ говорилъ о вліяніи французской литературы на нашу. Дѣйствительно, начиная съ вѣка энциклопедистовъ, Вольтера, Руссо и кончая блестящей эпохой французской литературы въ тридцатыхъ—сороковыхъ годахъ девятнадцатаго вѣка, мы многимъ обязаны Франціи.

Достоевскій мечталъ, что когда нибудь настанетъ та счастливая пора, когда и мы скажемъ свое слово, и къ нему станутъ прислушиваться въ Европѣ. Мечты Достоевскаго сбылись... Мы дожили до этого счастливаго времени.

Русское слово перешло за предѣлы нашей родины. Оно прозвучало на Западѣ какъ колоколь, гласящій о милости, правдѣ и красотѣ, и западно-европейское эхо подхватило его и разнесло далеко—далеко... Наша национальная совѣсть думается мнѣ, можетъ быть спокойна: русской литературой второй половины девятнадцатаго вѣка мы не только заплатили нашъ моральный долгъ Франціи, но отдали ею съ лихвой...
